

Александр БАЛТИН

СЦИЛЛА И ХАРИБДА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

— А вы уверены, что Харибды не существует?

— Так же как и Сциллы. Горгий, — (фоном мелькают-мерцают георгины, эти пышные ордена воздуха), — опровергая положение о материальности мысли, утверждал, что коли была б такова, то и чудища, рождённые сознанием, — (длится коленчато, тнется, играя надписями плесенью на стенах, лабиринт), — были бы реальностью...

Интервьюэр расположился в кресле, в другом — хозяин, но квартира, против ожиданий интервьюэра, вполне заурядна, хотя потолки высоки, и обстановка свидетельствует о мраморном вкусе хозяина, но тот, не то политик, не то философ, не то среднее арифметическое из этих двух областей, предпочитает не слишком серьёзную кубатуру.

Между креслами — журнальный столик со стеклянной столешницей, и видна начинка, как внутренности, нижнего яруса театра, предложенного столиком (человечки бегут, падают, живые запятые, источник огня неизвестен, но всегда есть — и источник, и огонь), между которым разместились они — хозяин, низенький и властный, с массивными, время зализало, как собачка, залысинами, и интервьюэр, худой, как винт, остановленный, вырванный из вечного круга вращения.

Задание — интервью — было обыденным, договориться оказалось не так сложно, но вот беседа... Она вовлекала в зыбкое тесто странностей, мерцавшее будущими пирогами, которые должны выпечь несколько положений, сокрытых внутри интервью.

Пришедший глянул в окно: широкое, пышное открывало ступенчатую панораму черепицы, и мысль — в каком я городе? — дёрнула нервною болью.

— Это Любляна, — молвил хозяин так спокойно, будто руководил процессами времени и пространства.

— Постойте — какое же пространство процесс? И вообще — мы в Москве...

Монументальное, бронзой залитое лицо хозяина, скулы резкие, как линия Бёрдсли.

— Молодой человек: любое пространство есть активное вращение определённых сфер, хотя людское большинство не должно реагировать на подобное. Это Любляна — посмотрите, какая изящная черепица. Не бывали на площади Прешерна?

Молодой человек, остановившись винтом, как бы не завернуться — не завертеться в кресло, вытер лоб, оказавший мокроватым, и, попробовав сконцентрироваться на игре вопросов-ответов, не слишком сумел.

— О чём... — тихо пробормотал.

— Мы застыли: в желе ожидания. Скоро сумерки распустият цветы своих кораллов, и время, распростёртое над Любляной, само будет отрицать материальность мысли.

Ворохом бумажным — ворохом исписанных страниц — вострепнулся молодой.

— Да, так вот, в современном мире принято...

Тяжёлый смех ухнул где-то, но нет — хозяин был серьёзен, как профиль медали.

— Современности не существует. Как вы её себя представляете? Скажите «сейчас» — одно простое, коротенькое «сейчас» — видите, мелькнул крысиный хвостик? — и вот вы уже в будущем. Материальность мысли? Конечно — она материальна ровно настолько, насколько нет.

...Жуткий водоворот закипает: он вращается, увеличиваясь в водном пространстве, он неистов, внутри его раскрывается с водным звуком ада глотка, и зубы, напоминающие акулы, сквозят неприродною белизной.

Молодой человек, вывинчиваясь, вскакивает.

— Харибда!

— Не бойтесь, — хозяин свободной рукою наливает коньяк по рюмкам, и молодой человек готов поставить Харибду против Сциллы, что только что не было ни матовой бутылки, ни блещущих рюмок. — Садитесь. Выпейте янтарного яда.

Сумерки за окнами сыплют свои розоватые кристаллы: как и было сказано.

— Ни Сциллы, ни Харибды (сколько бы я, сочинитель, ни любил их) — не существует: как не существует песеглавцев, трёхруких людей (жадно шевелящая пальцами третья рука выдвигается из груди хозяина, как ящик), кентавров. Впрочем, если хотите — поговорим об ихней пищеварительной системе.

Молодой человек, уже давно потонувший в кресле, как в Харибде, выпил коньяк, и, почувствовав янтарём играющее жжение, очумело забыв про интервью, спросил:

— А какова у них пищеварительная система?

— Она серьёзна, конечно. Это ж вам не тушканчик. Стишок знаете: «Ах, тушканчик мой, тушканчик, фиолетовый гигант...» Вот. Соки, циркулирующие внутри кентавра, коррелируют с цепящими свойствами взгляда медузы Горгоны так же, как рассуждения богословов о предметах, реальность которых проверить не представляется возможным. Все это знают, но все делают вид, что звание доктор богословия — заслужено...

— Позвольте, — и молодой человек, ищущий взглядом полный тюльпан коньяка, тотчас получает его, полный, — но про богословие мы не договаривались... Мы не должны.

— Ах, молодой человек, — лицо хозяина скрыто тенью, — мы все что-то должны друг другу. Например: вы — взять у меня интервью. А я — объяснить вам, что это так же невозможно, как установить власть кентавров над людьми.

— Почему? — коньяк работает сладкими, грецки-ореховыми механизмами.

— Потому, что требования, предъявляемые Христом человечеству, столь высоки! Реализовать их — фантастично, остаётся создать финансово-административную единицу — как и было сделано.

— Но... мысль материальна?

Тень, сидящая в кресле.

Ей уютно: она купается в себе.

Тень без предмета получает свободу, и молодой человек, выдравшись из матерчатой мягкости, мелькнув коридором, оказывается в другом, удлинившемся за счёт бесконечных книжных полок, уходящих под монастырски высокий потолок. Книжки сидят и болтают ножками: как замшевые мешочки из таинственного рассказа фон Додерера, некоторые ещё и языки показывают.

Молодой человек бежит мимо них, не замечая двери, вернее, пробежав её, потом, толкнув, попадает в залы, заставленные разными механизмами: блестящие детали, колесато переливаются в разных световых потоках: и лампы и прожектора делаются реальны, за механизмами, представившими своё царство, чем-то напоминающее царства пещер с самородными камнями, следуют компьютеры: тыщи механических людей, не выражая собой ничего, просто запятые глобального технического текста, сидят за ними, и... хорошо, кентавры не проносятся.

Дверь, наконец, закипает водоворотом Харибды: и пространство города, всосав его молодого человека, выбрасывает его на пустынный переулок. Он, вытерев лоб, оборачивается: богатые тут дома. Никакой Любяны. Он идёт, думая, что дёшево отделался, не ведая, с кем говорил: с политиком, философом ли, тенью. Он идёт, ошалевший обыденно онтологической ошалелостью человека, побывавшего в... Неизвестно, где побывал.

Здание редакции. Большой куб, прозрачно освещённый, здание в городе, в центре его, среди других, и — среди других же людей: молодой человек, обращающийся к начальнику отдела:

— Слушай, ты меня посылал к этому... ну?

Редактор, отрываясь от нежно мерцающего монитора, глядит на него:

— Ты что такой бледный?

Бумага лица, на которой годы напишут свой текст.

— К философу... или...

— Ты что? Перепил? У тебя не было вчера никакого задания. Сегодня собирался отправить к рестораторам: съезд там у них. Не то тусовка важная.

— Не было?

— Не было. У Ленки там узнай, где эти масоны сегодня соберутся. Всё. Не мешай...

Оглушительный стрёкот пишущих машинок, свидетельствующий, что современности не существует.

Игра оттенков, переходящая в рассвет коралловых сумерек.

Харибда материальной мысли иногда становится реальнее собственного тела, которое непременно похоронят, хотя ты не веришь в это.